

18+ Две женщины

Евгений Чертовских

Повести

Евгений Чертовских

Две женщины. Повести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50437091

ISBN 9785449817280

Аннотация

Их разделяет сто лет, они разные по характерам, эти две женщины, но выпавшие на их долю жизненные испытания ставят их рядом друг с другом.

Содержание

От автора	5
Паша	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Две женщины

Повести

Евгений Чертовских

© Евгений Чертовских, 2020

ISBN 978-5-4498-1728-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Две женщины сидели у огня
Одна была похожа на меня
Другая просто вылитая ты
Две женщины сидели у черты
А там, за тем чертогом, за чертой
Любви кружился призрак золотой...

Марина Цветаева

От автора

Много лет назад я познакомился с молодой женщиной. Она особенно ничем не выделялась среди моих знакомых. Но годы знакомства позволили мне стать свидетелем её непростой судьбы. Как только жизнь не пыталась сломать её, какие только трудности и несправедливое отношение к ней не вставали на пути, она выстояла и добилась своего счастья. Взяв за основу её судьбу, я написал повесть «Элизабет».

Но уже в ходе работы над этой повестью обратил внимание на то, что о нечто подобном я слышал раньше от своих родственников. Поразмышляв, я понял, что судьба моей бабушки очень похожа на судьбу героини повести «Элизабет». Их разделяют почти сто лет, они разные по характерам, но выпавшие жизненные испытания ставят их рядом друг с другом. Насколько они разные, настолько они похожи. Внутренняя убеждённость в своей правоте и твёрдость характера дали им возможность уверенного пребывания в порою несправедливом к ним мире.

Жаль, что осталось очень мало информации о жизни моей бабушки Паши, но рассказы родственников и генетическая память помогли мне создать образ этой удивительной женщины в повести «Паша».

Паша

Паша как-то быстро выросла и к семнадцати годам расцвела на зависть своим подругам. Многие парни заглядывались на кареглазую красавицу, но у девушки на душе был только один, тот, с кем с детства были вместе.

– Паш, – обратилась к подруге русая веснушчатая Варвара, – слыхала я, что Фёдор Дасов после уборочной сватов зашлёт к тебе.

– Не знаю, – Паша теребила бант на косе. – Ничего он не говорил мне.

– Галке её парень сказывал, а тот в друзьях у Фёдора. Ой, свадьбе быть, – не унималась Варвара.

– А может, ещё и нет. Поглядим!

– Паш, а если это правда, как тогда? Батька у Фёдора большой любитель выпить.

– Знаю, слыхала.

– Жить-то как будете? Говорят, как напьётся, начинает гонять всех по дому, а когда все разбегутся, то за скотину принимается.

На это Паша ничего не ответила, лишь только тяжело вздохнула.

– Ох, и тяжела же наша бабская доля, – растягивая слова, сказала Варвара, вздохнула, подняла голову и перевела взгляд на яркий месяц.

– Думаю, Фёдор не даст в обиду, – размышляла вслух Паша.

– Так как он отца-то слушается?

– Говорит, что любит.

Две подружки замолчали и замерли, глядя заворожено на сияющий в тёмном звёздном небе месяц. Каждая думала о своём.

А времена-то для сватовства были не самые лучшие, в России в феврале произошла революция, продолжалась война с Германией.

После окончания уборки урожая, во время вечерних посиделок, Фёдор сообщил Паше о сватовстве.

– Паша, слышь, – проговорил он, смотря в землю, – передай своим, завтра свататься придём.

Паша быстро закрыла лицо ладонями и перестала дышать, и когда уже стало не хватать воздуха, открыла лицо, глубоко вдохнула, посмотрела на Фёдора счастливыми, наполненными слезами глазами, вскочила и побежала в сторону своего дома.

– Паша! Паша! – кричал ничего не понимающий юноша, но его любимая бежала домой без оглядки.

Вбежав в сенцы, Паша закрыла за собой дверь и прижалась к ней спиной, сердце сильно стучало и ей показалось, что сердце сейчас остановится, а через мгновение она чувствовала как весь дом издаёт гулкий и монотонный звук

в такт её сердечного ритма. Паша испугалась, что этот звук услышат все домашние и схватилась руками за грудь, пытается приглушить стук сердца. Открылась дверь и из светлицы вышел отец.

– Дочь, ты что? Что случилось?!

Паша светилась от счастья.

– Батюшка, Федя завтра сватов засылает.

– От те на, не рановато ли – непонятно, то ли обрадовался, то ли встревожился отец. – Ну, заходи в дом.

Паша послушно последовала за отцом.

– Мать! – отец сел на табурет. – Пашу забирают!

Ничего не понимающая мать широко раскрыла глаза и закрыла ладонью открывшийся рот.

– Сваты завтра к нам! – уточнил отец.

Утром следующего дня прибежала Варвара.

– Ой, дядя Коля! Идут! Сваты идут!

К калитке подошла небольшая компания. Впереди шли сват со сватьей, за ними родители жениха, а позади них и сам жених.

– Хозяева, зайти можно?! – громко спросила, как скомандовала сватья.

– Если люди добрые, то заходите, а ежели лихие – проходите мимо! – ответил хозяин дома.

– Добрые, с добрыми вестями!

Процессия зашла во двор.

– Кто такие, зачем пришли? – продолжал Николай.

– Долго ходили, кружили, дорогу искали, куница пробежала и дорогу указала. У нас есть купец. Знаем, у вас есть товар. Хотелось бы посмотреть товар, может купец возьмёт его.

– Что ж, проходите в дом, обсудим это дело.

Все пошли в дом. Сватья прошла первая, по обычаю переступив порог правой ногой, за ней все остальные. Когда вошли в светлицу, сваты перекрестились на икону в красном углу. Родители невесты пригласили всех за стол.

– Варька! – отец невесты грозно обратился к подруге дочери, пытавшейся спрятаться за печкой. – Кыш отседова!

Варвара, опустив голову, вышла из комнаты, а Николай, закрыв за ней дверь, задвинул засов. Паша молча сидела на лавке и изредка поглядывала на Фёдора, который сидел ни жив ни мёртв, как «кол проглотил».

– Ну, что тут много говорить, – начала сватья, – дочь мы вашу знаем, а вы жениха.

– Короче, – встрял в разговор отец жениха, – хозяйка, наливай по чарке и дело сделано.

– Степан Леонтьевич, – мягко сказал сват, – негоже встречать в деловую речь.

– Короче, так короче, – вошла хозяйка, держа в руке стакан мёда, – вот, купец молодой, отведай, тогда и узнаем люб ли тебе наш товар.

Паша вздрогнула от слов матери, а вдруг Фёдор лишь пригубит и пить не станет, тогда и свадьбе не быть и позора

не оберёшься.

Фёдор глубоко вздохнул грудью, встал, взял стакан, посмотрел на Пашу и, не отрываясь, выпил весь мёд.

Свадьбу решено было сыграть через две недели.

Всё прошло, можно сказать скромно, без особого размаха, хотя, народу было много.

Степан Леонтьевич напился так, как никогда не напивался, и его отнесли в дальнюю комнату дома. По окончании гуляния молодых отправили на сеновал. Не успело всё затихнуть, как в доме раздались крики.

– Батька лютует, – недовольным голосом сказал Фёдор, – всё, не даст сегодня никому жизни.

Паша встала и начала одеваться.

– Ты куда? – в глазах Фёдора были страх и недоумение.

– Пойду, поговорю с ним, – спокойно ответила молодая жена.

– Ты с ума сошла! Зашибёт!

– Не зашибёт!

Уверенность в голосе Паши не позволила Фёдору остановить жену.

Когда она зашла в дом, то увидела, как Степан Леонтьевич в исподнем белье бегал по дому за Марией, женой брата Фёдора, и орал благим матом. Виктор, муж Марии, в это время сидел на полу в углу комнаты, ладонью прикрыв глаз.

– Убью! – Степан попытался ухватить Марию за подол,

но не дотянулся и упал.

Паша остановилась посередине комнаты перед лежащим хозяином. С громким мычанием, шатаясь, он начал подниматься на ноги. Паша стояла и смотрела на тестя. Степан поднял голову и хотел было ринуться вперёд, но как будто натолкнувшись на невидимую стену, остановился. Взгляд его красных глаз встретился со спокойным, твёрдым взглядом невестки. На смену мычанию пришло сопение, которое мало-помалу стало успокаиваться.

– Батюшка, – заговорила Паша спокойным ровным голосом, – вы устали, не терзайте себя, пойдём отдыхать, а завтра все дела и решим.

Паша взяла Степана под локоть, развернула и повела к его кровати. Все присутствующие замерли и, боясь издать хоть какой-нибудь звук, наблюдали за происходящим. Тем временем, Паша, уложив тестя в кровать, укрыла его одеялом и молча, удалилась из комнаты.

– Во, Пашка даёт, – Виктор засмеялся и убрал ладонь от глаза. Глаз заплыл и кожа вокруг него имела синюшный цвет.

С тех пор повелось, как Степан Леонтьевич напьётся, все домашние ищут младшую сноху утихомирить хозяина, только ей он безропотно и подчинялся.

В стране наступали беспокойные времена. В октябре в Петрограде произошла вторая революция, а в ноябре ата-

ман Дутов в Оренбурге поднял военный мятеж и захватил власть в губернии. В конце января 1918 года большевики освободили Оренбург, и к апрелю отряды под командованием Блюхера разгромили дутовцев, отбросив их в Тургайские степи. Казалось бы, наступило затишье. На селе ждали возвращения мужиков, ушедших на германскую войну, о судьбе которых в крестьянских семьях не знали ничего. Но в июле атаман Дутов опять занял Оренбург.

Вечером к Дасовым пришёл встревоженный Николай Игнатьевич.

– Степан, – негромко обратился он, – слышал, Дутов опять Оренбург взял.

– Слышал, – Степан, на удивление, сегодня был трезв.

– Комитетчики собираются, к утру убегут.

– А чего нам бояться? – Степан упёр свой взгляд в Николая. – Наше дело крестьянское.

– Да не скажи. Виктор с Фёдором где?

– Дома.

– Пока дома. Белые придут и заберут на войну.

– Не заберут. У Фёдора жена на сносях. А Виктора... что там без нас не обойдутся, это не наше дело. Пусть они разбираются между собой кому править.

– Ну-ну, – не попрощавшись, Николай развернулся и ушёл.

Утром в село примчались казаки атамана Дутова. Налетели быстро, все дороги перекрыли и начали обходить дворы в поисках членов комитета бедноты, а заодно и собирать новобранцев на войну с большевиками.

– Эй, хозяин! – в распахнутые ворота въехали двое верховых казаков, один из которых офицер и с ними три пеших солдата с винтовками. – Давай всех домашних на двор!

– Так, все тута, – виновато отвечал Степан Леонтьевич и рукой указывал на женщин и внука, стоящих у порога дома.

– А мужики где? – офицер наклонился и нагайкой указал на Марию и Пашу. – Где их мужи будуть?

– Так... нет... как-то... вот... – несвязанно произносил Степан.

В это время со скотного двора солдаты ружьями вытолкали Виктора и Фёдора.

– Это кто? Ваши?

– Так... я и говорю, это...

Мария не выдержала и кинулась на шею Виктора.

– Родненький! – кричала обезумевшая женщина. – Не отпущу! На кого бросаешь, детей пожалей!

– Даю возможность быстро собрать обоих в дорогу! – спокойно проговорил офицер.

Мария и мать братьев хотели было начать причитать, но казак поднял на дыбы коня.

– Или пойдёте на зады яму для них копать!

Тщательно прочесав село, белые забрали всех мужиков призывного возраста, остались старики, женщины и дети.

В начале осени у Паши начались роды. Рожала тяжело. После того, как забрали мужа на фронт, она сильно похудела и ослабла, передвигалась с трудом. Свекровь боялась, что Паша не сможет родить.

Схватки начались рано утром, и только к полудню вышел первый ребёнок – мальчик. Мучения продолжились, и лишь часа через два родился второй ребёнок – девочка. Паша была счастлива, об этом говорила лёгкая улыбка на её измученном лице.

К зиме Паша немного пришла в себя, окрепла. Но трудности и несчастья семью не обошли, пришли извещения о гибели Виктора и Фёдора. Свекровь, Марфа Лукьяновна, тяжело заболела, тесть начал пить не переставая, Мария взяла на себя ведение хозяйства, помощником ей был её малолетний сын, а Паша выхаживала своих детей, ухаживала за свекровью и успокаивала Степана Леонтьевича.

За нелёгкими хлопотами пролетели весна и лето. Урожай собирали всёй семьёй, находясь с утра до позднего вечера в поле.

Осенью у Паши тяжело заболели дети, несмотря на все усилия, выходить их не удалось и к концу ноября детей схоронили. Паша целыми днями сидела на лавке и смотрела в окно, светло или темно было на улице, ничего не меня-

лось в её поведении. На молодом лице появились морщины, в русых волосах просматривалась ранняя седина. В двадцать лет осталась вдовой и потеряла детей, она думала, что жизнь закончилась. Чтобы отвлечься от печальных мыслей Паша взвалила на себя ведение хозяйства, хотя, неоднократно собиралась уйти из дома, где сами стены напоминали о прошлом и о горькой потере. Семья всячески пыталась удержать её, уже без Паши никто не видел жизни в доме. Так продолжалось до голодной зимы 1921 года.

– Товарищ председатель! – Мария Дасова стояла, уперев руки в бока, а её лицо выражало крайнюю решительность. – Уже два года в работницах у моего тестя живёт незамужняя женщина. Наступающая зима ничего хорошего не предвещает, а лишний рот в доме нам ни к чему. Я прошу разобраться и удалить её из нашего дома.

– Хорошо, эээ...

– Мария!

– Да, да, Мария. Мы обязательно разберёмся с этим вопросом.

Представители Советской власти, рассмотрев вопрос пребывания младшей снохи в доме Дасовых, постановили отделить Пашу от семьи и выделить ей продукты питания, корову и конную косилку. Всё полученное имущество она перевезла в дом родителей.

– Ну вот, – говорил Николай Игнатьевич жене, – принесло Пашку к нам.

– Так с коровой пришла.

– Что мне корова? – Николай плюнул на землю. – С этой коровой что делать? Кому она теперь нужна? Так и будет до конца дней на шее у нас сидеть?!

– Коль, не шуми. Жизнь покажет, молодая ещё.

– Ладно, посмотрим!

У Пашиного брата, Афанасия, был закадычный друг – Василий Фёдорович Маковников, лавочник и любили они на пару в кабак захаживать. Нехорошая слава шла за Маковниковым, говорили, что он грубиян, пьяница, бабник и что до смерти замучил свою жену.

– Слышь, Афонась, – нетрезвым голосом заговорил Василий, – а просватай за меня Пашку.

– Так ты же, почитай, на двадцать лет старше её будешь. Какой же ты жених? – широкая улыбка заиграла на лице Афанасия.

– А ты не скалься! – Маковников ударил кулаком по столу. – Не она меня старше! А мне моложе – лучше.

– Так, Пашка не согласится.

– А ты постарайся, с родителями поговори. А я вам для подкрепления три пуда ржи дам.

– Три пуда, говоришь? Серьёзно. Надо подумать.

– Во, во. Подумай. Чё она у вас живёт? Хлеб, соль жуёт.

А так, сколько проблем сразу решите.

– Вась, а я уже подумал. Вот моя рука, – Афанасий протянул открытую ладонь другу.

– Вот и хорошо, – Василий вложил свою ладонь в поданную ему. – Порешили!

Родителей долго уговаривать не пришлось, они практически сразу согласились сплавить дочь замуж. А вот с Пашей было сложнее.

– Ни за кого я не пойду! – сказала, как отрезала Паша.

– Ещё как пойдёшь! – закричал Афанасий. – Вопрос решён!

– Кем?

– Семьёй!

Паша посмотрела на мать, та опустила глаза.

– Всё! – добавил отец. – Сколько можно так жить, ни девка, ни жена. Мы с матерью тоже не вечные, сколько можно тебя на себе тащить.

– Меня никто не тащит, я сама всё делаю...

– Цыц! – отец пригрозил пальцем. – Ты ещё будешь тут права качать. Сказано пойдёшь замуж, значит, так тому и быть.

– Дочка, – со слезами в глазах заговорила мать, – не противься, так всем будет лучше.

– Поступайте, как знаете, – Паша вышла в сени, громко захлопнув за собой дверь.

Под «давлением» семьи Паша вышла замуж за Маковникова, хоть и чувствовала, что ничего хорошего из этого брака не получится.

Опасения её вскоре подтвердились. Василий без повода постоянно ревновал, не разрешал отлучиться и на час из дому, сам заявлялся ночью всегда пьяный и начинал издеваться над женой. Долго терпела Паша, думала, а вдруг всё образумится, но после очередного скандала и побоев собралась и ушла к родным.

– Паша, не уходи! – кричал пьяный Василий. – Не уходи! Никому тебя не отдам! Или моя будешь или убью!

Паша, молча, оттолкнула мужа, взяла узел с вещами, вышла из дома и быстро пошла по улице. Василий выбрался на крыльцо и стал звать жену, затем, посыпались угрозы в адрес жены, её родных и односельчан.

Лето 1922 года было очень жарким, ночи душные и только под утро наступала прохлада. В домах спать было тяжело, взрослые располагались на сеновалах, а молодёжь в садах под деревьями.

– Паша! – раздался голос из-за плетня соседского сада. – Паша, спишь?

– Ань, ты что ли? – Паша ещё не успела заснуть.

– Да! Спишь?

– Нет.

– Давай ко мне на скамейку, посидим, поболтаем, а то не спится что-то.

Накинув на плечи платок, Паша вышла к соседскому дому. Каково же было её удивление, когда рядом с соседкой на скамейке она увидела Василия Маковникова. На душе стало беспокойно, а по спине пробежал озноб.

– Ой, – соседка быстро встала, – ну вы тут поболтайте, а я спать пошла.

Не оглядываясь, Аня быстро удалилась. Паша повернулась и тоже хотела уйти, но Василий быстро встал и загородил ей дорогу.

– Останься, надо поговорить, – быстро сказал, обдавая запахом перегара.

– Нам не о чем говорить! – негромко и твёрдо ответила Паша. – Всё давно уже сказано.

– Мы муж и жена, – продолжал Василий. – Прости меня за всё и вернись. Хочешь, вот здесь на колени перед тобой встану, пойду к твоим родным, и у них буду просить прощения.

Паша, отстранив Маковникова, попыталась пройти в сторону своего дома, но Василий быстро перекрыл ей дорогу.

– Я никому тебя не отдам, – прошептал он зловеще. – Если не со мной... значит, ни с кем.

– Оставь меня или я закричу.

– Ах, так... тогда...

Паша не видела в темноте, как в руках Василия оказался

нож. Она почувствовала резкую боль в левом боку. За первым ударом последовал второй, Паша закричала и согнулась, зажимая живот руками. Сверху последовал третий удар.

Когда на шум прибежали отец с братом, никого рядом с Пашей не было, а она, скорчившись, лежала в луже крови.

– Повезло ей! – вытирая руки о полотенце, говорил фельдшер. – Нож слабенький оказался. При первом ударе попал в ребро и согнулся, поэтому два последующих удара уже были не смертельными. Зашил. Жить будет.

Многочисленные родственники Паши, узнав о случившемся, решили идти к Маковниковым и пустить им «красного петуха». Но на селе нашлись холодные головы, которые уговорили не делать задуманного, пусть Советская власть накажет преступника. Да и Паша просила не доводить дело до самосуда.

Выездной суд определил обвиняемому 10 лет тюрьмы. Василия увезли, и больше его никто никогда не видел, а Маковниковых на селе стали называть «Резаки».

На молодом теле раны зажили быстро, но рана на душе никак не зарастала. Долго Паша не показывалась на людях. По селу ползли разные слухи и кривотолки, один чудней другого, но оправдываться ей не хотелось. В очередной раз она получила от жизни удар под самое сердце и вроде выдержала, но постоянно посещала мысль «а зачем выдержала, про-

ще было умереть», раздавлена морально и физически, не хотелось ничего и никого. Чтобы не одолевали тяжёлые воспоминания, она пошла петь в церковный хор. Так и полетели день за днём – церковь, поле, дом. Дальнейшей жизни в двадцать два года Паша по-другому уже и не видела.

И всё же, жизнь продолжалась. Возвращались с войны мужчины, на селе стало больше молодёжи, вновь открылась школа, образовали различные курсы. Паше предложили поехать в город и поступить в музыкальное училище на отделение вокала, сказали, что у неё уникальный голос. Заколотилось сердце, чувство неожиданной радости наполнило её душу, но мысль о том, что придётся уехать из дома, от родных и подруг, пугала её.

– Никуда я не поеду, – уже с грустью в голосе ответила Паша. – Подумаешь, талант. Таких голосов в России много.

– Паша, у тебя природный дар.

– Нет!

И всё повторилось – церковь, поле, дом. Правда, иной раз, вечерами Паша с подругами сидела на лавочке у речки, где они хором пели песни. На их пение приходили сельские парни и начинали подпевать. Как только петь заканчивали, Паша уходила домой, невзирая на уговоры подружек остаться.

К следующему лету душевные раны затянулись, и Паша по воскресным дням стала выходить с подругами в село, как говорилось народ посмотреть и себя показать.

– День добрый красавицы! – поздоровался с прогуливающимися подружками молодой подтянутый парень в тёмной косоворотке, штанах галифе и начищенных сапогах.

– И вам день добрый! – хором ответили девушки.

Парень элегантно раскланялся и отошёл в сторону, пропуская идущих.

– Чего это он так галантно раскланялся. Никак, кто-то ему из нас приглянулся? – улыбаясь и оглядываясь на парня, проговорила Варвара.

– Ещё чего! – не глядя в сторону молодого человека, ответила Паша.

– А я его знаю, – вступила в разговор одна из подруг. – Он недавно вернулся из армии, привёз с собой из города молодую жену.

– О чём ты говоришь? – Варвара остановилась. – Жена уже уехала, бросила его. Он живёт за речкой у своей сестры Федосьи, что замужем за сержантом Лукьяном. Зовут его Митя.

– Варька, откуда ты всё знаешь?

– Да вот знаю! Мать моя родная сестра Лукьяна. Вот!

Паша на разговор подруг не обращала внимания, рассматривала прилавки на местном базаре.

– Паш, как он тебе? – отвлёл вопрос подруги.

– Кто?

– Ну, Митька. Кто же ещё?

– А это кто такой?

– Ну, ты подруга даёшь! Да вон тот парень – Варвара указывала пальцем на молодого парня, смотрящего вслед удаляющейся женской компании.

Паша молча пожала плечами, повернулась и продолжила движение вдоль торговых рядов.

Через несколько дней Паша зашла в магазин.

– Никак за сладким к чаю зашли? – обратился к ней молодой парень, в котором Паша узнала Митю, о котором был разговор между подружками. – День добрый!

– Здравствуйте! – робко ответила Паша, так как парень, не моргая, смотрел ей в глаза.

– Позвольте спросить, как ваше имя?

– Паша.

– Замечательно! А я – Дмитрий!

– А что так торжественно! – заулыбалась девушка.

– Ну как, торжественно? – Дмитрий немного засмутился. – До того, как я ушёл на войну, меня звали Митя-мальчик, а теперь как-то неудобно. Думаю, что я всё-таки дорос до Дмитрия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.